

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И РАВЕНСТВО – СЛОВА И ЦЕННОСТНЫЕ КАТЕГОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА¹

© 2016 г. А.Н. Баранов

Доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом Института русского языка РАН;
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д.18/2
baranov_anatoly@hotmail.com

JUSTICE AND EQUALITY – THE WORDS AND VALUE CATEGORIES OF RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE

© 2016 Anatoly N. Baranov

Doctor of Philological Sciences, Head of Department at the V.V. Vinogradov Russian Language Institute
(Russian Academy of Sciences), Volkhonka 18/2, Moscow, 119019, Russia
baranov_anatoly@hotmail.com

В статье рассматриваются слова *справедливость*, *несправедливость* и *равенство* и связанные с ними категории. Хотя формально слова *справедливость* и *несправедливость* являются антонимами, поскольку различаются на отрицательный префикс *не-*, их значения различаются более сложным образом. Слово *справедливость* относится к абстрактным существительным и обозначает ценностную категорию. В то же время экстенциональное множество, соответствующее употреблению слова *несправедливость*, существенно иное, чем у слова *справедливость*. Оно используется для обозначения широкого класса ситуаций, в которых обнаруживаются те или иные нарушения представлений о справедливости. По этой причине лексема *справедливость* фактически относится к словам *singularia tantum*. В то же время слово *несправедливость* используется и в единственном, и во множественном числе. Различие в семантике между рассматриваемыми словами проявляется в метафорических осмыслениях, обнаруживаемых в русском политическом дискурсе, моделью которого являются тексты СМИ.

The paper considers the Russian words *spravedlivost'* (justice), *nespravedlivost'* (injustice) and *ravenstvo* (equality), as well as their corresponding concepts. It is shown that the words *spravedlivost'* and *nespravedlivost'* are formally antonyms, because morphologically they differ only in morpheme *ne-* ("no"). However, their differences go much deeper. The word *spravedlivost'* has an abstract meaning; it denotes a value category, while the extensional set of the word *nespravedlivost'* is another one: it is used for denoting a wide range of situations where justice as a value concept is violated. For this reason, the word *spravedlivost'* is de facto a *singularia tantum*. At the same time, the Russian word *nespravedlivost'* (injustice) has both forms: singular, as well as plural. Differences in semantics between the words under consideration become apparent in metaphorical models, used by the speakers in the interpretation of justice, injustice and equality in Russian political discourse, for which the texts from print media serve as a model.

Ключевые слова: справедливость, равенство, метафорическая модель, ценностная категория, дескрипторная теория метафоры

Key words: justice, equality, metaphorical model, value category, cognitive approach, descriptor theory of metaphors

¹ Работа выполнена в рамках проекта по исследованию феномена справедливости, проводившегося фондом ИНДЕМ под рук. Г.А. Сатарова.

1. Ценностно-ориентированная лексика: проблемы семантического анализа

Один из базовых объектов политической лингвистики – исследование идеологически связанной лексики. В этой категории лексем, во-первых, обычно обсуждаются противопоставленные слова и квазисинонимические ряды: *революция – восстание – переворот – путч, демократия – свобода, демократ – либерал – государственный и т.д., коммунизм – социализм – капитализм, террорист – сепаратист – ополченец – борец за свободу* [1]. Во-вторых, к идеологически связанной лексике относят и ценностно-ориентированные лексемы, то есть слова, обозначающие ценности: *свобода, истина, правда, доброта, любовь, воля, надежда, равенство* и пр.

Основная особенность идеологически связанной лексики заключается в том, что ее понимание и, соответственно, семантическая экспликация (толкование, определение) непосредственно зависит от той понятийной системы, в которой интерпретируется соответствующая категория. Так, в системе мышления советской эпохи события 1917 года в России, приведшие к падению монархии, назывались *Великой Октябрьской революцией*, а сейчас часто используется номинация *октябрьский переворот*. Аналогично, слово *либерал* в одной идеологической системе будет рассматриваться как положительная характеристика, а в другой – как отрицательная. Так, в словарной статье “либералы” современного Политического словаря, размещенного в интернете, можно обнаружить: *Либералы – представители идейного и общественно-политического течения, объединяющего сторонников представительного правления и свободы личности, а в экономике – свободы предпринимательства <...>* [2], а в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова в аналогичной статье находим “говорящий” пример: *Российский либерал – представитель трусливого, гнусного и предательского по отношению к демократии реформизма* [3]. Известно, что словарь Д.Н. Ушакова был первым нормативным словарем советской эпохи, в котором широко использовались как идеологически мотивированные определения, так и иллюстративные материалы из партийной литературы (см. подробнее [4]).

С лингвистической точки зрения семантика идеологически связанной лексики (как и ценностно-ориентированной лексики) обеднена. В этом смысле она напоминает терминологическую и специальную лексику, которая должна в лингвистическом словаре толковаться кратко и лапидарно (см. по этому поводу [5]). Очевидно, однако, что

такой подход к исследованию идеологически связанной и ценностно-ориентированной лексики для целей исследования политического дискурса явно недостаточен. Это касается и таких конструктов общественного сознания, как справедливость и равенство. Эти феномены, с одной стороны, являются когнитивными структурами, а с другой – представляют собой слова естественного языка – *справедливость* и *равенство*².

В ряде исследований слов *справедливость* и *равенство* и других слов, связанных с ценностными категориями, было показано, что для изучения их семантики и структуры связанных с ними понятийных категорий необходимо привлечение дополнительной информации о функционировании этих слов в дискурсе [6; 7], а также о парадигматических связях с другими аналогичными категориями. В данной работе речь пойдет о метафорических осмыслениях концептов “справедливость” и “равенство” в текстах современных российских газет и журналов.

2. Семантика справедливости и равенства

Прежде чем перейти к метафорическим осмыслениям справедливости и равенства, необходимо рассмотреть семантику слов *справедливость* и *равенство* – собственно лингвистическую часть значения, за которой скрывается когнитивная составляющая, связанная как с идеологией, так и с разнообразными философскими и этическими теориями справедливости и равенства.

Равенство семантически тесно связано с категорией справедливости, которая, в свою очередь, используется как общественно одобряемый критерий при распределении ресурса – материального или нематериального [6; 7]. “Ресурсная” семантика справедливости хорошо видна в контекстах типа *принцип социальной справедливости в отношении необеспеченных слоев общества нарушается; по справедливости мандаты должны быть поделены поровну; бессмысленно искать справедливость в распределении кредитов; российское общество должно разработать критерии социальной справедливости и на этой основе создать систему компенсации неравенства за счет социальных институтов*. Иными словами, “справедливость” как когнитивная категория связывается в языковом сознании русских

² Здесь и далее когнитивные категории, концепты, понятия маркируются кавычками или не выделяются никак, если это понятно из контекста. Слова естественного языка и примеры даются курсивом.

с распределением ресурса³. Действительно, то, что россияне склонны оценивать как справедливое или несправедливое, касается перемещения от одного человека к другому (или сохранения) некоторого ресурса – денег, прав, путевок, лечения и т.п.⁴. Из этого рассуждения легко выделить основные строительные блоки семантического мира “справедливости”⁵:

- **субъект распределения** (тот, кто осуществляет распределение ресурса),
- **адресат распределения** (тот, кто получает ресурс),
- **ресурс распределения** (материальные и духовные блага, власть и т.д.),
- **принцип распределения** (то, как происходит распределение ресурса).

Набор этих строительных блоков постоянен. Именно он характеризует постоянные области значения ценности “справедливость”. Однако в каждом конкретном случае каждому блоку сопоставляется новое содержание – переменные области семантического мира “справедливости”.

Стоит в качестве параметра распределения выбрать уравнивание, и справедливость трансформируется в очень устойчивую когнитивную структуру – равенство (“уравнивательную справедливость” по Аристотелю). Устойчивость равенства обеспечивается, с одной стороны, очевидностью и убедительностью параметра, а с другой – относительной легкостью контроля над распределением (по сравнению с более сложными параметрами – например, с распределением по труду, значимости, важности и т.п.). Бесспорность параметра

несколько ограничивает произвол субъекта, осуществляющего распределение, что, естественно, приветствуется адресатами распределения. Категория равенства весьма “акциональна”. Две модальности равенства – “пусть у меня будет то же, что и у тебя”, “пусть у тебя будет то же, что и у меня” – отражают исходные позиции человека (как субъекта, так и адресата распределения) по отношению к ресурсу. При недостатке ресурса говорящий в первом случае выражает желание разделить материальные блага, а во втором – их отсутствие. В российской публицистике неоднократно отмечалось, что в общественном сознании российского общества превалирует вторая модальность равенства: “пусть всем будет так же плохо, как и мне”⁶.

Собственно лингвистический аспект семантики слова *справедливость*, разумеется, связан с когнитивной структурой, приведенной выше, однако не совпадает с ней в полной мере:

Справедливость = ‘то хорошее, к чему должен стремиться человек, получающий часть некоторого блага, общего для членов данного общества, и объясняющий, почему хорошо, что он получает эту часть’.

В приведенной семантической экспликации субъект распределения скрыт в компоненте ‘получающий часть некоторого блага’. Адресату распределения соответствует компонент ‘человек’. Ресурс представлен как ‘общее благо’. Параметр распределения передается обоснованием ‘почему хорошо’. Наконец, представление о справедливости как о ценности эксплицируется в толковании компонентом: ‘то хорошее, к чему должен стремиться человек’.

Интересно, что в словарных толкованиях лингвистический и экстралингвистический (когнитивный) аспект значения ценностей справедливость и равенство почти никогда не разграничивается:

Справедливость = ‘свойства, характеристики ситуации, соответствующие представлениям об истине и законе – точнее, правде <...> Соответствие человеческих отношений, законов, порядков

³ Под языковым сознанием понимается та часть естественной логики человека, которая определяется родным языком человека: системой используемых метафор, особенностями лексической и грамматической категоризации мира, паремикологией и др. языковыми феноменами, непосредственно связанными с когнитивными процессами. Особенности устройства как языкового сознания, так и языкового бессознательного (в данном случае это одно и то же, поскольку языковое сознание в нормальном случае не рефлексивируется носителями языка) можно определить только по языковым данным (см. обсуждение опыта такого рода в связи с категорией коррупции в [8]).

⁴ В социологическом исследовании “Справедливость в представлениях и практике граждан и власти в России”, проведенном фондом Информатика для демократии (ИНДЕМ) в 2014–2015 гг., около 50% респондентов связали справедливость-несправедливость со сферой распределения социальных благ, предоставляемых государством. При этом около 60% указали пенсии и льготы как первоочередные социальные сферы обеспечения ситуации справедливости.

⁵ На метаязыке когнитивной лингвистики или лексической семантики это можно было бы назвать слотами фрейма “справедливости” или семантическими ролями участников ситуации справедливого распределения.

⁶ Устойчивость этой модальности во многом связана с идеологией и практикой социализма. Приведем характерное мнение одного из авторов сборника “Вехи” Семена Франка: “Социализм и есть мировоззрение, в котором идея производства вытеснена идеей распределения... Теория хозяйственной организации есть лишь техника социализма; душа социализма есть идеал распределения... Моральный пафос социализма сосредоточен на идее распределительной справедливости и исчерпывается ею; и эта мораль тоже имеет свои корни в механико-рационалистической теории счастья, в убеждении, что счастья не нужно вообще создавать, а можно просто взять или отобрать их у тех, кто незаконно овладел ими в свою пользу” [9, с. 284, 285].

и т.п. морально-этическим, правовым и т.п. нормам, требованиям' [10].

Понятно, что истина, закон, право; моральные, правовые и этические нормы – все это выходит далеко за рамки наивных знаний обычного носителя языка.

Аналогично в толкованиях слова *равенство* в значении ценностной категории в словарях регулярно появляются отсылки к правовым и политическим феноменам:

Равенство = 'Равное положение людей в обществе, выражающееся в одинаковом отношении к средствам производства и в пользовании одинаковыми политическими и гражданскими правами' [11].

Компоненты толкования 'средства производства', 'политические и гражданские права' с несомненностью следует квалифицировать как экстралингвистическую информацию.

Будучи семантической модификацией ценности справедливости, равенство в собственно лингвистической части семантики может быть истолковано следующим образом:

Равенство = 'то хорошее, к чему должен стремиться человек, получающий **такую же часть общего блага, как и другие**, и объясняющий, почему хорошо, что он получает эту часть'.

Таким образом, с семантической точки зрения равенство представляет собой модификацию справедливости, определяемую выбором параметра распределения ресурса – равные доли в распределении ресурса преобразуют справедливость в равенство.

Разумеется, семантическая трансформация указанного типа не приводит к возникновению семантических отношений 'часть – целое' или 'род – вид'. Справедливость далеко не всегда воплощается в равенстве. Так, в известном примере из Аристотеля воздаяние не симметрично – равенства в санкции нет: "Если кто вырвал кому глаз, то справедливое не в том, чтобы в ответ и ему только глаз вырвали, но в том, чтобы он потерпел еще больше, с соблюдением пропорциональности: ведь и начал он первый, и поступил несправедливо; он несправедлив вдвойне, и справедливо, чтобы пропорционально несправедливостям и он претерпел в ответ больше того, что сделал" [12, с. 1194а, 38–1194b, 3].

Соответственно, не все ситуации, относимые к справедливым, регулируются принципом равенства. Верно и обратное: равенство не всегда признается справедливым. Тот же Аристотель отмечает: "Между тем во взаимоотношениях [на основе] обмена связующим является именно такое

право – расплата, основанная, однако, не на уравнивании, а на установлении пропорции" [12, с. 1132b, 32]. Этот вывод согласуется и с социологическими данными. Так, в исследовании, проведенном ИНДЕМом, на вопрос "Неравенство может быть справедливым, если люди разных способностей, которые трудятся с разным усердием, получают по результатам своего труда" ответили "согласен" или "скорее согласен" более 80% респондентов.

Таким образом, трансформация семантики справедливости за счет параметра распределения – сведение его к уравниванию – представляет собой исключительно мыслительную операцию, а не реальную историческую последовательность семантической деривации или формирования понятий. Более того известно, что слово *справедливость* появилось в русском языке сравнительно недавно как заимствование из польского в XVIII в., а слово *равенство* – по крайней мере прилагательное *равный* – фиксируется как книжное слово с XI в. [13].

Понятно, что слова *справедливость* и *равенство* имеют не только ценностные употребления (то есть используются не только как обозначения ценностных категорий), но и реализуют другие значения. Так, слово *справедливость* используется в значении 'истинность' (*справедливость его суждений очевидна*), а также в значении, близком к понятию 'объективность' (*надо отдать ему справедливость*, то есть "надо быть объективным по отношению к нему"). С другой стороны, слово *равенство* используется в значениях "полное сходство, тождество" (*равенство величин, равенство сил*) и "математический знак, указывающий на то, что одна величина равна другой" (*ставить знак равенства*). Можно показать, что различные значения слов *справедливость* и *равенство* так или иначе связаны с их употреблением в значении ценностных категорий. Иными словами, структура значений слов *справедливость* и *равенство* для каждой из лексем не произвольна, а взаимозависима.

Теоретические и идеологические расширения рассматриваемых слов настолько многообразны, что часто почти никак не соотносятся с их наивной семантикой. Из философских концепций справедливости весьма странной с наивной точки зрения является процедурная справедливость: "Под процедурной справедливостью понимается совокупность правил, которые призваны обеспечить справедливость результата того или иного действия независимо от всех прочих обстоятельств. Процедурная справедливость может быть чистой, совершенной и несовершенной.

Чистой процедурной справедливостью является всякая игра, например, игра в карты или футбол” [14, с. 36]. Как расширение исходной семантики воспринимаются и примеры использования слов *справедливость* и *справедливо* по отношению к санкциям за преступления: *Судья же Ди разбирается во всех загадках и всем участникам событий воздает по справедливости: кого-то казнит, кому-то возвращает злодейски отнятое имущество, кого-то соединяет узами брака.* [Октябрь] В примерах рассматриваемого типа ресурсом (‘общим благом’) оказывается воздаяние за содеянное – награда или кара [15]. Хотя кара далеко не всегда оценивается положительно тем, кому она предназначена, в рамках общества в целом она рассматривается как общее благо – как результат действия закона.

Перейдем к метафорическим осмыслениям справедливости и равенства.

3. Теоретические основания исследования и характер корпусного эксперимента

Для изучения метафорического “ореола” справедливости и равенства в качестве теоретического основания использовалась когнитивная теория метафоры, согласно которой метафора является не только языковым феноменом, но и когнитивным, поскольку оказывает существенное влияние на процесс принятия решений человеком. Метафора фокусирует внимание человека на отдельных аспектах проблемной ситуации, коммуникативно высвечивает их и именно в этом смысле влияет на процесс принятия решений.

В центре внимания исследований метафорики дискурса лежит понятие метафорической модели. **Метафорическая модель** (М-модель) – это понятийная область, которая используется для метафорического осмысления некоторой сущности – реалии действительности, феномена общественного сознания и публичной политики. Например, осмысление чего-либо в терминах военных действий, армии, происходит к рамках М-модели войны (ср. *война законов, обоймы аргументов, солдаты политического фронта* и т.п.). На аналогичных основаниях выделяются М-модели родственных отношений, персонификации, механизма, организма, пути-дороги, погоды, фауны, растения-дерева и др.

Инструментальным расширением когнитивной теории метафоры является дескрипторная теория метафоры [16]. Последняя представляет собой формализацию когнитивной теории метафоры для

унифицированного описания большого корпуса контекстов использования метафор. В дескрипторной теории метафора описывается как множество кортежей сигнификативных и денотативных дескрипторов, представляющих, соответственно, область источника и область цели метафорической проекции. Так, метафора *обоймы аргументов* на языке дескрипторной теории отображается в виде двухэлементного множества следующего типа: {<обоймы; оружие; война> [сигнификативные дескрипторы], <аргументы; политическая аргументация; политическая деятельность; политика> [денотативные дескрипторы]}. Дескрипторный метаязык дает возможность унифицировать и формализовать описание контекстов употребления метафор, что является основной предпосылкой автоматической обработки больших массивов информации об употреблении метафор в дискурсе.

Для получения исходных данных использовался корпус Современной русской публицистики, объемом 29 млн словоупотреблений⁷. Всего было выявлено 1550 контекстов употребления слова *справедливость*, причем метафорических осмыслений оказалось 344. Слово *равенство* оказалось менее частотным: в том же корпусе получен 521 контекст употребления слова *равенство*, причем метафорических осмыслений оказалось 86.

Контексты метафорического осмысления были кодированы на языке сигнификативных дескрипторов и введены в компьютерную базу данных, что дало возможность провести анализ частоты употребления метафорических моделей в дискурсе.

Кроме того, анализ справедливости был дополнен аналогичным исследованием слова *несправедливость* и соответствующего концепта. Всего было выявлено 268 контекстов употребления слова *несправедливость*, причем 71 контекст оказался метафорическим осмыслением феномена “несправедливости”.

Для слова *равенство* дополнительно исследовалось его контекстное окружение, что позволило сделать важные выводы о влиянии прагматики категории равенства на собственно лингвистическую часть семантики этого слова.

4. Справедливость versus несправедливость

В грамматических описаниях и лексикографических источниках у слова *справедливость* не выделяются какие бы то ни было специальные

⁷ Корпус разработан в отделе экспериментальной лексикографии Института русского языка РАН.

грамматические формы: словоизменение данного слова признается стандартным и значения не распределяются по специально выделенным грамматическим характеристикам. Анализ словарных толкований слова *справедливость* показывает, что его первое значение, рассматривается как производное от прилагательного *справедливый* и определяется через идею истины и закона: ‘Действующий беспристрастно, в соответствии с истиной’ [10], ‘Действующий беспристрастно; соответствующий истине’ [15], ‘Осуществляемый на законных и честных основаниях’ [15], ‘Истинный, правильный’ [15], ‘Соответствующий истине, действительному положению дел; правильный, верный’ [10].

Вне зависимости от правильности или неправильности выбранного способа толкования (семантической экспликации) слова *справедливость*, существенно, что значения слова *справедливость* по указанным словарным источникам никак не зависят от грамматических характеристик его словоформ. Более того, не налагается никаких ограничений на реализацию грамматических категорий. Так, не указано, что данное слово относится, например, к словам *pluralia tantum* или *singularia tantum*, то есть лексемам, используемым только во множественном или единственном числе. В принципе это можно было бы считать следствием из общего правила: слова абстрактной семантики в обычном случае не имеют множественного числа, однако слово *несправедливость*, будучи абстрактной категорией, во множественном числе используется, правда, семантика его существенно меняется (см. подробнее ниже).

В полученной из корпуса выборке на слово *справедливость* содержится 344 контекста использования метафор, причем ни в одном из контекстов не реализуется множественное число. Ср. характерные примеры: *торжества справедливости придется подождать; победа справедливости всегда радость; пути восстановления исторической справедливости*. Не обнаруживается множественное число и в контекстах без метафорических осмыслений: *если говорить по справедливости, то у сторон должны быть равные права; идея социальной справедливости*.

Таким образом, можно сделать вывод, что, как и для большинства слов абстрактной семантики, множественное число для слова *справедливость* нехарактерно – оно принадлежит к формам *singularia tantum*. При этом лексема *несправедливость*, непосредственно связанная со словом *справедливость* и формально выглядящая как ее антоним, существенно отличается от слова *справедливость* как по грамматике, так и по значению. Последнее

вовсе не антонимично *справедливости*, как это можно было бы предположить и как это следует из словарных толкований слова *несправедливость*. В имеющихся словарных описаниях первое значение данного слова определяется через отсылку к семантике прилагательного *несправедливый*: ‘Свойство по знач. прил. *несправедливый*’ [10]. Первое значение прилагательного *несправедливый* отсылает к справедливости с отрицанием: ‘Поступающий вопреки справедливости, нарушающий справедливость’ [10]; ‘Лишенный чувства справедливости, противоречащий справедливости’ [15]. Получается, что *несправедливость* – это антоним к слову *справедливость*.

Исследование контекстов употребления слов *справедливость* и *несправедливость* показывает, что в реальном дискурсе они не антонимы. Так, в отличие от формы *справедливость*, слово *несправедливость* широко используется во множественном числе. Можно сказать, что справедливость – это сфера идеального, абстрактный идеал, а несправедливость относится к реальным ситуациям, оцениваемым с точки зрения этого идеала. Всего в корпусе Современной русской публицистики выявлено 268 контекстов употребления слова *несправедливость*, причем 39 контекстов – употребления во множественном числе: *я не стремлюсь никого разжалобить списком несправедливостей* [Огонек]; *здесь начала тех несправедливостей, драм и трагедий, которыми полна новейшая история* [Известия].

Анализ контекстов употребления рассматриваемых лексем показывает, что слово *справедливость* в основном используется в значении ценностной категории (‘свойства, характеристики ситуации, соответствующие представлениям об истине и законе – точнее, правде’). Именно поэтому множественное число данного слова неупотребительно – оно используется только в единственном числе, попадая в категорию *singularia tantum*. Для слова *несправедливость* образование множественного числа регулярно, поскольку оно используется в контекстах другой семантики: оно указывает на конкретные ситуации нарушения тех или иных норм, правил, представлений о должном, истинном, правильном и т.п.: *Обидно, что не всем нам поровну досталось. Есть у меня странное ощущение несправедливости природы: папа прожил 55 лет, Толя 62 года. Почти 8 лет разницы*. [Огонек].

Таким образом, слово *справедливость* относится к ценностным категориям – оно более “идеологично”, а *несправедливость* – более конкретно, как правило референтно и относится к конкретным ситуациям нарушения тех или иных правил, законов, установлений, моральных норм и пр.

Именно поэтому слова *справедливость* и *несправедливость* **не антонимы**, а лежащие за ними понятия – концепты – не противопоставлены друг другу – они иные, причем “инаковость” не формирует контрарную оппозицию в духе “А versus не А”.

Асимметричность семантики слов *справедливость* и *несправедливость* и лежащих за ними понятий проявляется и на уровне метафоричности – метафорических осмыслений, выявленных в представительном корпусе текстов СМИ.

5. Справедливость: метафорические модели и профилируемые смыслы

Распределение сигнификативных дескрипторов по 344 контекстам метафорического осмысления концепта “справедливость” сконцентрировано в весьма небольшом количестве метафорических моделей. Если ограничить “снизу” частоту дескрипторов пятью вхождениями, то получается следующий набор метафор (сигнификативных дескрипторов):

Таблица 1. Сигнификативные дескрипторы метафор концепта “справедливость” (с частотой 5 и более)

строение/строительство	148
персонализация	134
чел-торжествующий	73
объект-предмет	28
чел-агента	24
пространство	21
движение	19
пункт назначения	16
чел-пациент	12
высшее существо	10
ресурс	9
чел-царствующий	8
феодализм	7
чел-требующий	6

Из таблицы 1 видно, что наиболее частотные метафорические модели, используемые для осмысления концепта “справедливость”, – это строительство (вместе с метафорой строение) и персонализация. Высокая частота метафоры строительства объясняется слабоидиоматичным оборотом *восстановить справедливость*: *Павел Сергеевич захотел восстановления справедливости, чтобы его родное госпредприятие возместило ему ущерб в связи с утраченным на производстве здоровьем* [Общая газета]; *Перезахоронение праха Шалапина на родине осуществлялось, конечно же, как “восстановление исторической справедливости”*

[Итоги]; *Как выразился председатель парламента Грузии, они “до последней капли крови будут сражаться для восстановления личной справедливости”* [Известия].

142 из 148 контекстов употребления приходится на примеры использования данного выражения – *восстановить/восстановление справедливости*, – причем в этих контекстах метафора строительства относится к стертым метафорам, то есть к устойчивой метафорике, используемой, преимущественно, в фоновом режиме⁸.

Существенно, что широкое использование выражения *восстановить/восстановление справедливости* указывает на то, что **ситуация справедливости в наивном языковом сознании рассматривается как нормальное состояние мира**. В исследованных текстах обсуждается сам факт отклонения от нормы и восстановление нормального состояния – ситуации, в которой обеспечивается справедливость.

Контексты использования метафоры персонализации, несколько уступающие в количественном отношении метафоре строительства (134 против 148), существенно более разнообразны. Наибольшее количество приходится на осмысление справедливости как человека, находящегося в психическом состоянии торжества (“чел-торжествующий”). Примеры данного типа связаны с фразеологизмом (коллокацией) *торжество справедливости*: *торжества справедливости придется подождать; справедливость рано или поздно восторжествует*.

В данных контекстах реализуются метафорические проекции Справедливость – это торжествующий человек; Достижение справедливости – это торжество. Указанные метафорические проекции ощущаются как неконвенциональные, однако устойчивость и частотность коллокации *торжество справедливости* стирает эффект новизны в приведенных метафорических проекциях. Само по себе это неудивительно, если учесть, что сама метафора персонализации типична для политического дискурса. В контекстах рассматриваемого типа коммуникативно высвечивается идея реализации ситуации, соответствующей представлению о справедливости.

Метафора высшего существа в ряде контекстов позволяет провести рефрейминг: приравнять справедливость другому понятию, значимость которого в обсуждаемой ситуации, с точки зрения говорящего, оказывается выше: *Когда я замкнул*

⁸ О разграничении фоновых и фигурных метафорических моделей см. подробнее [16].

провода и террорист кровавыми кусками взлетел выше деревьев – в этом была высшая справедливость. [Московский комсомолец]; *Сталинизм не с неба к нам свалился, это мы с вами растаскивали по домам жалкие позитки “раскулаченных”, если не рукоплескали, то отмалчивались на собраниях, решавших судьбы людей, провозглашали насилие высшей справедливостью.* [Московские новости].

Сама возможность рефрейминга справедливости указывает на когнитивную важность этой категории в общественном сознании, а также на ее потенциал использования в политической аргументации.

Среди метафор персонификации, в рамках которых осмысляется понятие “справедливости”, четко противопоставлены агенсные и пациенсные метафорические проекции. В исследованном корпусе справедливость осмысляется как активное действующее лицо, которое преследует (*От закона уйти можно, а от справедливости – нет*), наносит удары (*умей держать удар. Судьбы и справедливости*), требует (*справедливость требует признать*), диктует (*историческая справедливость диктует*), заставляет (*простая справедливость заставляет вспомнить*). В других агенсных контекстах справедливость царствует (*превратить страну в сказочное царство справедливости*), побеждает (*справедливость победила*). Во всех агенсных метафорических осмыслениях справедливость выступает как активная инстанция.

Всего агенсных осмыслений выявлено 24, а пациенсных – только 11. Типичный контекст реализации пациенсных осмыслений – устойчивое словосочетание *поруганная справедливость* (*надежды на мирное восстановление п поруганной справедливости*; *чувство поруганной справедливости*; *у нас с Соловьевым была общая поляна поруганной справедливости*). В пациенсных осмыслениях профилируется (коммуникативно выделяется) смысл “несправедливость ситуации”. Для профилирования указанного смысла используются и другие метафоры, также относящиеся к пациенсным: *заложница* (*когда справедливость становится ограниченной, она превращается в заложницу*), *жертва убийства* (*У военных прокуроров и судей сейчас задача найти виновных. Но дай им Бог при этом не убить справедливость*), *защита* (*Этот просто счастье: быть вместе, ощущать себя великой страной, ощущать себя на хорошей стороне, защитниками морали, справедливости и братства*).

Предметная метафора (ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ) по частоте существенно отличается от персонификации и метафоры строительства: 28 примеров против 148 контекстов метафорической модели строения/строительства и 134 контекстов использования метафоры персонификации. Предметное осмысление существенно более разнообразно в профилировании различных смыслов, чем метафора персонификации и строительства. Так, объект-предмет в пространстве может рассматриваться с разных сторон, что позволяет коммуникативно высвечивать различные аспекты ситуации и самого феномена справедливости (*Какая же это справедливость, если она повернута в одну сторону*), а также указывать на сравнительную значимость тех или иных ценностей, осуществляя рефрейминг (*И любовь все так же выше закона. И милосердие выше справедливости*). Предметность дает возможность осмыслять справедливость и как ресурс: *Мы надеялись, что за малостью требуемой суммы никто не станет возражать против этого кусочка справедливости.* [Новая газета]; *Поскольку социальная справедливость – самый ходовой политический товар, именно ее выставляют на общественный прилавок в качестве главного* [Огонек].

Внутренняя структура объекта-предмета передает сложность и неоднородность феномена справедливости: *Понятие справедливости многослойно, многозначно* [Огонек].

Метафоры пространства и движения в представленном корпусе примеров реализуются почти исключительно как фоновые при осмыслении справедливости как пункта назначения. В этих случаях достижение справедливости рассматривается как движение к некоторой конечной точке: *прорыв к справедливости, прийти к справедливости, переход к социальной справедливости, искать пути к согласию и справедливости, объявить курс на социальную справедливость, курс на правовой порядок и социальную справедливость*. Иногда метафоры пространства и движения указывают на неуспешность выбранного способа действия: *тупик социальной справедливости*.

6. Несправедливость: метафорические модели и профилируемые смыслы

Всего для слова *несправедливость* в имеющемся корпусе российских СМИ зафиксирован 71 контекст осмысления в терминах метафор. Состав сигнификативных дескрипторов метафорических моделей, используемых по отношению к понятию “несправедливости”, (с “нижним” ограничением пять словоупотреблений и более) представлен в таблице 2.

Таблица 2. Сигнификативные дескрипторы метафор концепта “несправедливость” (с частотой 5 и более)

персонификация	33
материальная сущность	22
объект-предмет	17
чел-агенса	11
пространство	10
ситуация-событие	9
ограничитель	8
чел-кричащий	7
чел-входящий	6
препятствие	5

Наибольшую частоту имеет метафорическая модель персонификации. Треть употреблений этой метафорической модели приходится на метафорические осмысления, в которых “несправедливость” выступает в роли активного действующего лица, которое гонит человека (*именно она, гонимая болью несправедливостей, каждый день, как на работу, ходит по всевозможным правоохранительным инстанциям*), делает человека жертвой (*стал жертвой политической несправедливости; он стал не просто жертвой несправедливости, но и человеком, который один противостоит всему политическому истеблишменту; жертва несправедливости Патаркацишвили не оставил завещания*), причиняет ему боль (*Несправедливость причиняет мне боль*), задевает человека (*сестра Соколова Наталья отметила, что ее брата сильно задела социальная несправедливость*), угнетает (*освободиться от гнета несправедливости*). Метафоры персонификации позволяют также представить концепт “несправедливости” как человека, который кричит (*вопиющая несправедливость*), обижает (*обида на несправедливость*). Пациентные осмысления для “несправедливости” отсутствуют.

Второе-третье места делят метафоры материальная сущность и объект-предмет (22 и 16 соответственно). Понятно, что метафора объекта-предмета входит как часть в метафору материальная сущность. В целом эта метафорическая модель профилирует семантику рационального взаимодействия с феноменом “несправедливости”, позволяя его измерять (*верх несправедливости; обостренное восприятие любой, даже малой несправедливости; Большие и маленькие несправедливости, если они не учтены и не оценены вовремя, имеют свойство прорасти “гроздьями гнева”*), указывать на возможность его воспроизводства (*конвейер военной несправедливости*).

Значительная часть употреблений в рамках метафоры объекта-предмета связана с профилированием смысла ‘ограничения, затруднения, осложнения действий субъекта’: *свинцовое бремя несправедливости продолжало давить на писателя; нести тяжелый крест несправедливости; история страны отягощена преступлениями и несправедливостями*. Ограничительная семантика типична для приведенных выше метафор: бремя, несомый крест, препятствие, отягощающий объект-предмет.

Метафора материальной сущности в рассматриваемом корпусе осмыслений “несправедливости” менее определена по семантике. Это может быть и профилирование смысла ‘количества’ (*ряд несправедливостей*), ‘измерения’ (*доля несправедливости*), ‘негативных свойств’ (*жгучая несправедливость; ощущаемая несправедливость*), ‘сложности решения проблемы’ (*замкнутое кольцо несправедливости*), ‘значимости’ (*мы оба знаем цену этой несправедливости*).

Дескриптор “ситуация-событие” маркирует в базе данных не столько метафору, сколько родовое наименование некоторого значения: указание на реальное или гипотетическое событие (ситуацию): *примеры всяких несправедливостей*; *вершится какая-то несправедливость*; *происходит несправедливость*; критические выступления по конкретным несправедливостям. В приведенных примерах обсуждаются ситуации, которые характеризуются говорящим как несправедливые. Данный тип употребления совершенно нехарактерен для слова *справедливость* (см. ниже).

7. Справедливость versus несправедливость: сравнение метафорических осмыслений

Как было показано выше, слова *справедливость* и *несправедливость* не антонимы, а лежащие за ними понятия – концепты – не противопоставлены друг другу. Слово *справедливость* передает семантику ценностной категории: оно более “идеологично”, а семантика слова *несправедливость* более конкретна и, как правило, относится к конкретным ситуациям нарушения тех или иных правил, законов, установлений, моральных норм и пр. Легко видеть, что асимметричность семантики слов *справедливость* и *несправедливость* и лежащих за ними понятий проявляется и на уровне метафорики – метафорических осмыслений, выявленных в представительном корпусе текстов СМИ.

Самой частотной метафорой для феномена *справедливости* является метафора строения/строительствa, а для феномена *несправедливости* – метафора персонификации. Метафора строения/строительствa реализуется в устойчивом выражении (коллокации) *восстановить справедливость*. Широкое использование фразеологизованных выражений *восстановить справедливость*, *восстановление справедливости* указывает на то, что **справедливость с точки зрения русского наивного языкового сознания является естественной характеристикой мира**⁹. Действия человека в рамках этой ценности рассматриваются с точки зрения возврата в исходное состояние справедливости или нарушения этого состояния. Таким образом, **феномен несправедливости с точки зрения языкового сознания вторичен**.

Для концепта “несправедливости” самой частотной метафорой оказывается персонификация. Значительная часть употреблений приходится на агенсное осмысление этого понятия, причем персонифицированная несправедливость творит что-то плохое: гонит человека, делает его жертвой, причиняет боль, угнетает и т.п. Персонификация несправедливости выводит за пределы обсуждения инстанцию, ответственную за несправедливость. Действительно, если несправедливость – это *Ding an sich*, то любые обсуждения другого агенса несправедливости теряют смысл: универсальное зло оказывается и причиной и следствием самого себя. Персонифицированная справедливость (вторая по частоте метафора при осмыслении справедливости), наоборот, сама становится субъектом и торжествует в одних ситуациях, требует, диктует в других, побеждает в третьих и т.д.

Пациенсные характеристики в метафорике справедливости представлены в меньшей степени, хотя справедливость может быть и поруганной, и униженной, она может стать заложницей, жертвой и пр. Таким образом, профилирование свойств метафорами персонификации при осмыслении справедливости и несправедливости вполне объясняется значениями соответствующих слов и стоящими за ними понятиями. В этом смысле исследованный материал вполне предсказуем. Исключением можно считать только метафорическую модель высшего существа, позволяющую при

метафорическом осмыслении справедливости провести рефрейминг прежнего концепта, изменив его почти до неузнаваемости – в духе оруэлловских упражнений в “новоязе” (ср. *провозгласить насилие высшей справедливостью; террорист кровавыми кусками взлетел выше деревьев – в этом была высшая справедливость*).

Наиболее рациональные осмысления феноменов справедливости и несправедливости обеспечиваются метафорой материальной сущности и ее подвида – объекта-предмета. В случае несправедливости эта метафора дает возможность измерять несправедливость (*верх несправедливости; большие и маленькие несправедливости, доля несправедливости*), давать ей количественное выражение (*ряд несправедливостей*), указывать на проблемы, которые с нею связаны (бремя, несомый крест, препятствие, отягощающий объект-предмет). Довольно разнообразна по профилируемым свойствам в осмыслении феномена справедливости метафора объекта-предмета. Она позволяет рассматривать справедливость как ресурс (*припасать справедливость, справедливость как ходовой товар*), как пищу (*насытиться справедливостью*), отразить сложность устройства этого концепта (*понятие справедливости многослойно*), указать на системообразующие свойства (*стержень русского правового сознания*).

Отметим, что индексы метафоричности обеих рассмотренных категорий очень похожи. Действительно, на 29 млн словоупотреблений корпуса Современной русской публицистики выявлено 1550 контекстов употребления слова *справедливость*, из которых 344 употребления метафорических и 1206 – неметафорических, то есть на одно метафорическое употребление приходится 3,5 неметафорических. Форма *несправедливость* используется в данном корпусе 268 раз, причем 71 контекст является метафорическим осмыслением феномена несправедливости. Тем самым одному метафорическому контексту соответствует 3,8 неметафорических контекста. Когнитивная теория метафоры утверждает, что чем выше количество метафорических осмыслений понятия, тем оно более важно для общественного сознания. В данном случае и категория справедливости, и категория несправедливости имеют очень близкий коэффициент метафоричности: 3,5 и 3,8 соответственно. Таким образом, с когнитивной точки зрения степени значимости и конфликтности этих категорий в общественном сознании (в том виде, в котором оно отражается в СМИ) сходны, если не идентичны.

⁹ Отметим, что, хотя и для английского, и для немецкого языков аналогичные выражения фиксируются (ср. англ. *to restore justice* и нем. *die Gerechtigkeit wiederherstellen*), не ясна синтактика этих форм, то есть как они соотносятся по частоте с другими близкими по семантике выражениями. Например, как англ. *to restore justice* соотносится по частоте с сочетаниями *to obtain justice*, *to uphold justice* и пр.

8. Равенство: метафорические модели и профилируемые смыслы

Сигнификативные дескрипторы метафорических осмыслений равенства сосредоточены в относительно небольшом количестве метафорических моделей. Если ограничить “снизу” частоту дескрипторов тремя вхождениями, то получается следующий набор метафор – точнее, сигнификативных дескрипторов:

Таблица 3. Сигнификативные дескрипторы метафор концепта “равенство” (с частотой 3 и более)

ресурс	20
вместилище	16
персонификация	12
параметр	9
количество	7
пространство	6
передвижение	5
пункт назначения	5
спорт	3
феодализм	3
чел-агенси	3

Легко видеть, что наиболее частотные метафорические модели, используемые для осмысления концепта равенство, – это РЕСУРС, ВМЕСТИЛИЩЕ, ПЕРСОНИФИКАЦИЯ и КОЛИЧЕСТВО. Дескриптор “параметр” оказывается родовым; он реализуется в метафорах количества, уровня и высоты. Соответственно, его следует анализировать в его реализациях.

Высокая частота метафоры РЕСУРСА объясняется самой семантикой категории равенства, связанной с распределением ресурса. Идея ресурса при использовании слова *равенство* реализуется в словосочетании *обеспечить равенство* и в формах, производных от него: *обеспечить равенство прав на рынке*, *обеспечить равенство перед законом*, *обеспечить социальное равенство*, *обеспечение гендерного равенства*, *обеспечение равенства мужчин и женщин*. Обеспечить можно в основном каким-то ресурсом. На это указывают основные значения глагола *обеспечить*: ‘Предоставить достаточные материальные средства к жизни’ [15], ‘Снабдить кем-, чем-л. в достаточном количестве’ [17], ‘Снабдить чем-н. в нужном количестве’ [17].

Ресурсно-ориентирована и метафора ВМЕСТИЛИЩА, которая реализуется в контекстах с прилагательным *полный*: *в условиях полного равенства перед законом*, *полное равенство наций*, *наступит полное равенство*, *полного равенства не может быть*; *полное равенство прав*; *полного равенства не получается*; *полное равенство всех религиозных ассоциаций*.

Метафоры РЕСУРСА и ВМЕСТИЛИЩА семантически связаны между собой: ресурс часто помещается во вместилище, где и хранится.

Метафора ПЕРСОНИФИКАЦИИ также довольно частотна в осмыслении концепта РАВЕНСТВА. В дискурсе СМИ она реализуется не только в устойчивом полутерминологическом словосочетании *суверенное равенство* (на основе принципов взаимного уважения и *суверенного равенства, суверенное равенство государств*), но и в живых (“фигурных” [16; 18]) метафорах типа *родина равенства и равенство торжествует*, *царит всеобщее равенство*.

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ в исследуемом дискурсе не автономна, поскольку и ТОРЖЕСТВО РАВЕНСТВА и ВОЦАРЕНИЕ ВСЕОБЩЕГО РАВЕНСТВА связано с распределением какого-то РЕСУРСА, который может помещаться во ВМЕСТИЛИЩЕ. Иными словами, рассматриваемые метафоры образуют констелляцию, сходную по семантическим следствиям в дискурсе о равенстве.

Метафора количества представлена контекстами следующего типа: *в документе делается ставка на большее равенство; при общем равенстве они были чуть равнее других; история движется в сторону увеличения равенства между людьми* [Известия]. Осмысление равенства как варьируемого количества, на первый взгляд, не является метафорой, однако с формальной точки зрения равенство не может быть большим или меньшим – оно либо есть, либо его нет. Иными словами, осмысление равенства как сущности, допускающей различные степени, градации переводит рассмотрение данной категории в совершенно иной статус, сопоставимый с метафорическим осмыслением. Фактически в этом случае осуществляется рефрейминг категории равенства – когнитивная процедура, широко практикуемая в нейролингвистическом программировании.

В художественной литературе данный аспект равенства обыгрывается в известной повести Дж. Оруэлла “Скотный двор” (“Animal Farm”): *All animals are equal, but some animals are more equal than others* (“Все животные равны. Но некоторые животные равны более, чем другие”). Сатирический эффект данной фразы порождается именно метафорической переинтерпретацией равенства как количественного параметра, допускающего различные степени уравнивания.

Метафора количества также попадает в рассматриваемую констелляцию метафор ПЕРСОНИФИКАЦИИ, РЕСУРСА и ВМЕСТИЛИЩА, профилируя в дискурсе о равенстве единую систему метафорических следствий, связанную с распределением ресурса.

Метафора пункта назначения по большей части коммуникативно выделяет идею ‘достижения равенства’, позволяя осмыслять достижение равенства как движение по некоторому пути, прибытие в конечную точку которого означает достижение желаемого: *Феминистки Норвегии восприняли принятый закон как очередную победу на пути к установлению равенства полов* [Известия]; *Делегаты съезда писателей решили и дальше продолжать курс на равенство национальностей и культур* [Независимая газета]; *Это шаг к равенству, и запрещать его не следует* [Комсомольская правда].

Данная метафора находится вне выявленной констелляции. Впрочем, осмысление этапов решения некоторой проблемы как движение по пути-дороге – типичный способ метафорической интерпретации проблемной ситуации. Употребительная в современном политическом дискурсе метафора дорожная карта реализует ту же метафорическую модель.

9. Контекстное поведение слова *равенство*: согласованность и противоречивость

Рассмотренная семантическая структура слова *равенство* указывает на то, что оно близко по семантике лексеме *справедливость* и должно было бы реализоваться в дискурсе в сочетании с ним. И действительно, в исследованном массиве примеров, основанном на представительной выборке контекстов употребления слова *равенство* в современных российских СМИ, *равенство* довольно часто встречается вместе с лексемой *справедливость*: *Ревнитель справедливости и всеобщего равенства; призыв к социальному равенству и справедливому распределению доходов; идеи справедливости, равенства*. Идея распределения ресурса, лежащая в основе значений слов *равенство* и *справедливость*, способствует их совместной встречаемости в политических текстах (по крайней мере, в огрубленной модели политического дискурса, которой являются тексты СМИ). Всего в исследованном корпусе было выявлено 36 контекстов указанного типа.

Более того, во многих контекстах *справедливость* понимается как уравнительная *справедливость*, что отождествляет ее с равенством полностью или частично: *стремление к справедливости, которая понимается как равенство*; иногда принято *справедливость* понимать юридически как *равенство прав*; *справедливость – это еще и всеобщее равенство*; *равенство достатка лежит и в основе представлений*

о справедливости; социальная справедливость воспринимается сейчас как равенство.

Лексема *равенство* хорошо сочетается и со словом *братство*. Всего было обнаружено 19 примеров такой сочетаемости: *мы, достойные дети революции, размышляем о равенстве и братстве; на практике во имя “равенства и братства” и “вольного созидательного труда” совершается многое, не имеющее отношения ни к равенству, ни к братству; начав с благой идеи равенства и братства, исполнительная власть скатывается к полному попранию всех прав*.

Такая сочетаемость, как и сочетаемость со словом *справедливость*, хорошо поддерживается семантикой лексемы *равенство*. Действительно, *братство* – это ‘содружество, единение’, а также ‘люди, которых объединяет общая цель, общая деятельность, труд и т.д.’ [19]. Понятно, что равенство в чем-л. может быть основой для содружества, объединения людей, хотя это и не обязательное условие. Существенно, что противоречия в семантике рассматриваемых категорий нет.

В то же время обнаруживается значительное количество примеров на сочетаемость *справедливости* и обозначения ценности *свобода* вместе с лексемой *братство*: *демократия – это свобода, равенство, братство; в 20–30-е годы интеллигентам на Западе хотелось верить, что СССР – это свобода, равенство и братство; обычные москвичи протестуют против выступлений националистов под лозунгами “Россия без нацизма”, “Свобода, равенство, братство”*.

В отличие от *справедливости* и *братства*, *свобода* семантически противопоставлена *равенству* – она его антипод, поскольку не связана в прототипическом варианте с идеей распределения ресурса. Внутренняя (прототипическая) свобода определяется соответствием желаний субъекта его возможностям. Соответственно, в ней отсутствует представление о субъекте, распределяющем некоторый ресурс – о Суперэго, извне контролирующем адресата распределения [6; 7; 20]. Между тем в полученном корпусе примеров обнаруживается 37 случаев сочетаемости указанного типа. Причина этого носит экстралингвистический, культурный характер. По большей части это скрытые или явные цитации лозунга Великой французской революции:

Изображение девушки во фригийском колпаке, олицетворяющей знаменитый девиз “Свобода, равенство, братство”, стало национальным символом Франции с 1792 года [Комсомольская правда];

Примерно так же, рискну сказать, как в 1879 году – “свобода, равенство, братство”, – упор был сделан на свободу, и получилось [РИА Новости].

Сочетаемость со словом *свобода* противоречит семантике слова *равенство*. Впрочем, сочинительная бессоюзная конструкция не требует полного согласования по смыслу – это, скорее, нарушение законов “слабой” семантики, проявляющейся не в прямых запретах, а в общих тенденциях¹⁰. В данном случае это нарушение связано с экстралингвистическими факторами – с цитацией.

Отметим, что сочетаемость слова *равенство* со словом *братство*, отмеченная выше (19 примеров), также может рассматриваться как частичная цитация лозунга Великой французской революции. В этом случае экстралингвистически обусловленная сочетаемость для слова *равенство* оказывается подавляющей по частоте – 56 контекстов.

В корпусе примеров были обнаружены и некоторые другие случаи сочетаемости слова *равенство* с названиями ценностных категорий, которые, однако, слабочастотны и не представляют существенного интереса.

Проведенный анализ сочетаемости слова *равенство* показывает, что она может быть разделена на **сочетаемость, определяемую семантикой данного слова**, и на **сочетаемость, определяемую экстралингвистическими факторами** – дискурсивными практиками политического дискурса. Первый тип сочетаемости представлен в первую очередь последовательностями *равенство, справедливость* – *справедливость, равенство*, а второй полными или частичными цитациями лозунга Великой французской революции *свобода, равенство, братство*.

10. Заключение

Как мы видим, степень метафоричности дискурса о справедливости (и несправедливости) довольно велика: 3,5 и 3,8 неметафорических контекста на одно метафорическое соответственно. Действительно, в ранее проведенном исследовании концепта коррупции по аналогичному корпусу СМИ было выявлено 1760 употреблений слова *коррупция*, из которых только 150 употреблений являлись метафорическими [22]. Иными словами, на одно метафорическое употребление пришлось 10,7 неметафорических. **Дискурс о справедливости почти в три раза более метафоричен, чем дискурс о коррупции. Это указывает на его значимость для общественного сознания.** Данный

вывод дополнительно подтверждается исследованием функций ценности справедливости в политической аргументации [7].

Довольно странно, что сигнификативное разнообразие обоих рассмотренных концептов невелико. Параметр сигнификативного разнообразия указывает на количество метафорических моделей, используемых при осмыслении исследуемого концепта: **“сигнификативное разнообразие”** целевой области, определяется как отношение числа различных сигнификативных дескрипторов в данной целевой области к числу различных денотативных [16]. Поскольку в данном случае концепт (и соответственно денотативный дескриптор) один – справедливость (resp. несправедливость), – то сигнификативное разнообразие определяется количеством метафорических моделей. Для метафорического осмысления справедливости используется семь метафорических моделей (строение/строительство, персонификация, объект-предмет, ресурс, пространство, движение, феодализм), а для несправедливости – четыре (персонификация, материальная сущность, пространство, ограничитель). Объяснение этому можно видеть в том, что большинство выявленных метафорических осмыслений реализуются стертыми (конвенциональными) метафорами. Разумеется, это в определенной степени снижает конфликтность дискурса, которую можно было бы характеризовать по значениям параметра метафоричности как очень высокую. Иными словами, значимость справедливости-несправедливости велика, феномен занимает важное место в ценностной иерархии общества и каждого его члена, но общество в целом притерпелось к реальным ситуациям частого несоответствия идеала актуальному состоянию мира.

Выявленные метафорические осмысления подтверждают анализ семантики справедливости и несправедливости: это не противопоставленные категории, а соответствующие слова не антонимы. При этом справедливость и несправедливость – разные сущности: первая является ценностной категорией, абстрактным понятием, а вторая, скорее, обозначением реальной или виртуальной ситуации, ее свойств.

Ценностная категория равенства оказывается семантически производной от категории справедливости. Равенство с семантической точки зрения является более простым вариантом справедливости. В то же время политический дискурс обнаруживает факторы, противоречащие семантике равенства. Экстралингвистические факторы – в частности, лозунг Великой французской революции “Свобода, равенство,

¹⁰О слабой семантике не в духе Куйна см. подробнее [21].

братство” – провоцирует совместную сочетаемость равенства с категорией свободы, не связанной в прототипическом варианте с идеей распределения ресурса.

Степень метафоричности дискурса о равенстве невелика – на 5 неметафорических контекстов приходится 1 метафорический (всего 521 контекст употребления слова *равенство*, из них 86 метафорических осмыслений – включая стертую метафорику). Метафоричность дискурса о справедливости почти вдвое выше: 3,5 неметафорических контекста на одно метафорическое. Такие числовые показатели метафоричности могут объясняться тем, что позиция ценности “равенство” замещена в ценностных иерархиях справедливостью. В этом случае справедливость представляет равенство в политическом дискурсе. Концепт справедливости как бы “оттягивает” метафорические осмысления на себя. Действительно, по уже упоминавшемуся исследованию ИНДЕМа, на вопрос “Что, на Ваш взгляд, должна обеспечивать власть в стране?” 16,5% ответили “справедливость” и лишь 9,3% – “равенство”. При этом с утверждением о том, что “Справедливым может быть только полное равенство, когда все обладают равными частями общественного богатства” в той или иной степени согласно 67,7% респондентов. Иными словами, справедливость осмысливается в общественном сознании по большей части через категорию равенства.

При этом метафоры количества, персонификации, ресурса и вместилища образуют в дискурсе о равенстве единую констелляцию, профилируя общую систему метафорических следствий, связанную с распределением ресурса. Такого единого когнитивного образования в системе метафор дискурса о справедливости не обнаруживается.

Разумеется, дискурс СМИ – даже достаточно репрезентативный – является лишь не вполне точной моделью политической коммуникации. Тем не менее, понятно, что и в сфере политического языка справедливость и равенство образуют важную когнитивную структуру, связанную с обсуждением принципов распределения ресурса, причем дискурсивные практики обращения к данным ценностным категориям иногда носят внешний характер по отношению к их семантическому наполнению, испытывая влияние политических и идеологических концепций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Баранов А.Н., Паршин П.Б. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой коммуникации. М., 1986. [Baranov, A.N., Parshin, P.B. [Linguistic Mechanisms of Variable Interpretation of Reality as a Means of

Influence on Consciousness] *Rol' jazyka v sredstvakh massovoj informacii* [A Role of Language in Mass-media]. Moscow, 1986.]

2. *Политический словарь* // режим доступа: vslovare.ru/slovar/politicheskij-slovar. [Politicheskij slovar' [Political dictionary]. vslovare.ru/slovar/politicheskij-slovar.]
3. *Толковый словарь русского языка* / Под ред. Д.Н. Ушакова, в 4-х томах. Т. II. М., 1938. [Tolkovyj slovar' russkogo jazyka/ Pod red. D.N. Ushakova. T. II [An Explanatory Dictionary of the Russian Language. Ed. by Ushakov, D.N. Vol. II]. Moscow, 1938.]
4. Живов В.М. Язык и революция. Размышления над старой книгой А.М. Селищева // Отечественные записки, 2005, № 2 [Zhivov, V.M. [The Language and Revolution. Reflections on the Old Book by A.M. Selish'ev] *Otechestvennyje zapiski* [Domestic Notes]. 2005, no. 2.]
5. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. [Sh'erba, L.V. [An Essay in General Theory of Lexicography] *Sh'erba, L.V. Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost'* [Language System and Speech Activity]. Moscow, 1974.]
6. Baranov A.N. Justice, Equality and Freedom: The Structure of Value Concepts. P.A. Chilton, M.V. Ilyin, J.L. Mey (eds.) *Political Discourse in Transition in Europe 1989–1991*, Amsterdam/Philadelphia, 1998.
7. Баранов А.Н. Политическая аргументация и ценностные структуры общественного сознания // Язык и социальное познание. М., 1990. [Baranov, A.N. [Political Argumentation and Value Structures of Social Consciousness] *Jazyk i socialnoje poznanije* [Language and Social Comprehension]. Moscow, 1990.]
8. Баранов А.Н. Метафорические грани феномена коррупции // Общественные науки и современность, РАН. 2004, № 2. [Baranov, A.N. [Metaphorical Aspects of “Corruption”]. *Obsh'estvennyje nauki i sovremennost'* [Social Sciences and the Present]. 2004, no. 2.]
9. Франк С.Л. Этика нигилизма // Антология самиздата. Т. 1, кн. 1. М., 2005. [Frank, S.L. [Ethics of Nihilism] *Antologija samizdata, T. 1, kn. 1* [Anthology of Samizdat, Vol. 1, book 1]. Moscow, 2005.]
10. *Словарь русского языка* в 4-х тт. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. IV. М., 1988. [Slovar' russkogo jazyka. Pod red. A.P. Evgenjevoj. T. IV [A Dictionary of the Russian Language. Ed. by Evgenjeva, A.P. Vol. IV]. Moscow, 1988.]
11. *Словарь русского языка* в 4-х тт. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. III. М., 1987. [Slovar' russkogo jazyka. Pod red. A.P. Evgenjevoj. T. III [A Dictionary of the Russian Language. Ed. by Evgenjeva, A.P. Vol. III]. Moscow, 1987.]
12. *Аристотель. Большая этика* // Аристотель. Соч. В 4 т. Т. 4. М., 1983. [Aristotel' [Magna Moralia] *Aristotel'. Soch. V 4-h t. T. 4* [Aristotle. Works in 4 vols. Vol. 4]. Moscow, 1983.]

13. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1999. [Chernyh, P. Ja. *Istoriko-etomologicheskij slovar' russkogo jazyka. T. II* [A Historical-Etymological Dictionary of the Russian Language. Vol. II]. Moscow, 1999.]
14. Кашиников Б.Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России. Великий Новгород, 2004. [Kashnikov, B.N. *Liberalnyje teorii spravedlivosti i politicheskaja praktika Rossii* [Liberal Theories of Justice and Political Practices in Russia]. Great Novgorod, 2004.]
15. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 2007. [Tolkovyj slovar' russkogo jazyka s vl'uchenijem svedenij o proishozhdenii slov. Pod red. N. Ju. Shvedovoj [An Explanatory Dictionary of the Russian Language, with Etymological References / Ed. by Shvedova, N. Ju.]. Moscow, 2007.]
16. Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры. М., 2014. [Baranov, A.N. *Deskriptornaja teorija metafor* [Descriptor Theory of Metaphor]. Moscow, 2014.]
17. Словарь русского языка в 4-х тт. / под ред. А.П. Евгеньевой Т. II. М., 1986. [Slovar' russkogo jazyka. Pod red. A.P. Evgenjevoj, T. II [A Dictionary of the Russian Language. Ed. by Evgenjeva, A.P. Vol. II]. Moscow, 1986.]
18. Баранов А.Н. Метафорические модели как дискурсивные практики // Известия АН. Сер. литературы и языка, 2004, том 63, № 1. [Baranov, A.N. [Metaphorical Models as Discursive Practices] *Izvestija AN. Ser. literatury i jazyka* [The "Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language"]. 2004, Vol. 63, no. 1.]
19. Словарь русского языка в 4-х тт. / под ред. А.П. Евгеньевой Т. I. М., 1985. [Slovar' russkogo jazyka. Pod red. A.P. Evgenjevoj, T. I [A Dictionary of the Russian Language. Ed. by Evgenjeva, A.P. Vol. I]. Moscow, 1985.]
20. Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации (русский политический язык). М., 1991. [Baranov, A.N., Kazakevich, E.G. *Parlament-skiye debaty: tradicii i novacii (russkij politicheskij jazyk)* [Parliamentary Debates: Traditions and Innovations (Russian Political Language)]. Moscow, 1991.]
21. Баранов А.Н. Сочетаемость слов и "слабая семантика" // Вопросы культуры речи. Вып. XI. М., 2012. [Baranov, A.N. [Compatibility of Words and "Weak Semantics"] *Voprosy kul'tury rechi*. [Topics in Speech Culture]. Issue XI. Moscow, 2012.]
22. Баранов А.Н. Феномен коррупции в метафорах двух дискурсов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог-2005. М., 2005. [Baranov, A.N. [A Phenomenon of Corruption in the Metaphors of Two Discourses] *Kompjuternaja lingvistika i intelektualnyje tehnologii. Trudy mezhdunarodnoj konferencii Dialog-2005* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Proceedings of the International Conference 'Dialogue-2005']. Moscow, 2005.]